
Научная статья
УДК 398.1+398.8
DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-1-63-94-100

БЫТОВОЙ КОНФЛИКТ И КОДЕКС ЧЕСТИ

Адам Мухамедович Гутов

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, adam.gut@mail.ru, <https://orcid.org/000-0001-7526-3719>

©А.М. Гутов, 2024

Аннотация. Статья посвящена анализу цикла о наезднике, который оказался перед проблемой отношения к заботам исключительно житейского характера. По определению автора, сюжетообразующим фактором цикла является мотив, близкий к распространенной сказочной универсалии о кознях злой мачехи. В условиях системы условностей историко-героического эпоса сюжет оборачивается в оригинальном плане: сталкиваются две разные шкалы духовных ценностей. С одной стороны – кодекс чести наездника-аристократа, не предусматривающий вступления истинного воина в бытовые конфликты и требующий сакрального отношения к женщине, с другой – эгоцентризм властной женщины, ослепленной своими личными проблемами и не обременяющей себя никакими этическими условностями в борьбе с пасынком. Коллизия не имеет мирных путей разрешения и заканчивается физической гибелью противостоящих сторон. Устанавливаются варианты песни и сказания, а также характер взаимосвязи поэтического и прозаического компонентов эпического цикла.

Ключевые слова: Эпос, цикл, конфликт, кодекс чести наездника, жанр
Для цитирования: Гутов А.М. Бытовой конфликт и кодекс чести // Вестник КБИГИ. 2024. № 4-1 (63). С. 94–100. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-1-63-94-100

Original article

DOMESTIC CONFLICT AND CODE OF HONOR

Adam M. Gutov

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» Nalchik, Russia, adam.gut@mail.ru, <https://orcid.org/000-0001-7526-3719>

©А.М. Gutov, 2024

Abstract. The article is devoted to the analysis of the cycle about a rider who faced the problem of attitude to exclusively everyday concerns. According to the author, the plot-forming factor of the cycle is a motif close to the widespread fairy-tale universal about the intrigues of an evil stepmother. In the conditions of the system of conventions of the historical-heroic epic, the plot turns out in an original way: two different scales of spiritual values clash. On the one hand, there is the code of honor of the aristocratic horseman, which does not provide for the entry of a true warrior into everyday conflicts and requires a sacred attitude towards women, on the other hand, there is the egocentrism of a powerful woman, blinded by her personal problems and not burdening herself with any ethical conventions in the fight with her stepson. The collision has no peaceful ways of resolution

and ends with the physical death of the opposing parties. Variants of the song and the tale are established, as well as the nature of the relationship between the poetic and prose components of the epic cycle.

Keywords: Epic, cycle, conflict, horseman's code of honor, genre

For citation: Gutov A.M. Domestic conflict and code of honor. Vestnik KBIGI = KBiHR Bulletin. 2024; 4-1 (63): 94–100. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-1-63-94-100

Определение жанра историко-героического эпоса, а также исторической песни представляется для многих исследователей затруднительным. Так, Ф.М. Селиванов замечает, ссылаясь на таких без сомнения авторитетных специалистов как В.Я. Пропп и Б.Н. Путилов, что в русском фольклоре исторические песни «...внешне оформлялись то как былины, то как плачи, то как лирические песни» [Селиванов 1973: 66–67]. Правда, он ведет речь о так называемых «старых песнях», которые утеряли «соотнесенность с современностью». Однако, судя по его рассуждениям, очевидно, что имеются в виду закономерности более широкого масштаба. Фактически аналогичное явление отмечено и в песенном фольклоре других народов Кавказа. С трудностями жанровой дефиниции сталкиваются и исследователи адыгского историко-героического эпоса, где типичным является тандем – песня и поясняющее ее предание [НПИНА 1986: 5–34; Готов 2021: 14–83, 23–222].

Одной из возможных причин, затрудняющих жанровую идентификацию песни, можно признать то обстоятельство, которое Ф.М. Селиванов называет утратой «соотнесенности с современностью». Дело в том, что нередко песня, непосредственно связанная своим рождением с определенным событием и реальными личностями, обычно создавалась по горячим следам явления действительности. Но если с течением времени из памяти людей стирались первопричины ее появления, происходила та самая утрата соотнесенности. Естественно, если песня посвящалась событию большой общественной важности или же личности подлинно исторического масштаба, вероятность отрыва от конкретного исторически важного явления бывала не столь высока. Но в случае, когда герой песни и сказания – это лицо не общезначимого масштаба, да и само событие можно назвать в большей мере частным, бытовым, нежели представляющим интерес с точки зрения общественной жизни, утрата привязки цикла к конкретному лицу и событию оказывается наиболее вероятной. Было бы несправедливо утверждать, будто подобный путь эволюции является единственно возможным, но есть основания признать в данном случае наиболее высокую вероятность такого хода событий. Как правило, героический эпос – явление, подчеркнуто социально ориентированное, в нем всегда на первом плане интересы всего общества. Поэтому в нем всегда высок уровень идеализации героев, характеров поступков. Отсюда самые исторически значимые персонажи изображаются в фольклорно-типизированном преломлении. Этим обусловлено то, что фактически всегда можно видеть долю расхождений между реальной личностью (прототипом песенного героя) и событием с одной стороны и их фольклорным отражением – с другой, несмотря на мемориальный, утилитарный характер исходной функции произведения. Между тем, когда в центре внимания находится такое важное для всего общества событие как конкретное решающее сражение, всенародное бедствие или же повествование о подвиге исторически значимой личности, оторвать явления от реальной действительности и предельно типизировать образы и ситуации должно быть достаточно сложно. И, напротив, если по своим масштабам событие и личность не представляются общезначимыми для судеб целого общества, то оно легче подпадает под стереотипизацию, к чему фольклор стремится по своей природе. В данном случае имеется в виду подведение конкретных явлений и образов реальных лиц

под определенные стандартные ситуации и типические образы, сложившиеся в фольклоре – обычно вследствие их повторяемости.

В адыгской устно-поэтической традиции это имеет свою особенность благодаря тому, как известно, что песня историко-героического плана обычно имеет сопровождающее ее прозаическое предание, благодаря чему ее текст не всегда нуждается в наличии развернутого сюжета, а это дает свободу для проникновения лирических элементов в эпический текст [Гутов 2021]. Более того, если под термином *эпический* иметь в виду повествовательное начало, то некоторые песни, традиционно относимые к данному жанру, не всегда вполне соответствуют такому определению. В сочетании с потенциальным отдалением содержания песни от конкретной ситуации эпика и лирика образуют некое эстетически органичное единство. Уместно будет заметить, что одна из особенностей лирической поэзии как таковой заключается в том, что со стороны общества интерес к явлению «частного», а быть может внутрисемейного или личностного характера, оказывается несколько не ниже, нежели к произведению, возникшему как резонанс на громкое социально значимое событие. В этом плане показательна в адыгском фольклоре одна значительная по количеству группа песен и сопровождающих их преданий, посвященная проблемам не столько выраженно социально значимым, сколько личностным, но при этом сохраняющаяся в устном обиходе не менее ревностно, чем многие циклы, которые посвящены важным для всего общества событиям и личностям. Объяснить данное явление только особым вниманием носителей традиционного коллективного сознания к судьбе и переживаниям личности будет не совсем справедливо, хотя оно отчасти тоже имеет место. Одна из причин, как мы полагаем, заключается в особенности общественного сознания: в нем интерес к превратностям судьбы отдельного человека органически сочетается с тем, как сложившиеся в обществе и освященные веками этические императивы соблюдаются в реальной жизни.

Одному из примеров того, как в уникальной жизненной ситуации подлинный рыцарь-наездник стойчески соблюдает кодекс чести, при этом ничем не запятнав своего имени, не опорочив никого из виноватых или безвинных и не проявив естественной для человека слабости, посвящены песня и предание о наезднике Жаниболате из рода Ерча.

Суть истории данного героя в большей мере бытовая, нежели поистине героико-эпическая. Жаниболат, славный наездник и идеальный носитель этикета, в свое время рано лишился матери, а от второй жены отца, Андола-гуаши, у него было девять сводных братьев. Они выросли никчемными и бестолковыми, и это обстоятельство пробуждало ярую ненависть к нему со стороны мачехи. Став полновластной хозяйкой в доме, она неустанно устраивала козни против ненавистного пасынка. Однажды она устроила своим сыновьям и Жаниболату испытание на чуткость к ней самой, но внимание и заботу в сложной ситуации проявил только пасынок. Однако это пробудило в ней только еще большую ненависть, и она подговорила сыновей, чтобы они ночью ворвались к нему в комнату и убили его. Предупрежденный о таких намерениях, герой избегает гибели и выставляет своих неблагодарных братьев на позорище, но никак не унижает мачехи. Это также не останавливает коварную женщину, она продолжает строить против него козни, к тому же жалуется своим братьям, Темезовым, якобы он всячески отравляет жизнь ей и ее сыновьям. Чтобы Темезовы сами убедились в том, кто поистине виноват, Жаниболат деликатно приглашает их к себе погостить, но с условием, что они ни при каких обстоятельствах не откроют своих лиц сестре. Он поселяет их в тайном помещении, чтобы никто их не обнаружил, и сам обращается к мачехе с просьбой, чтобы в его вынужденное отсутствие она позаботилась о тайных и очень дорогих для него гостях. Братья Темезовы слышат этот разговор, они также видят, как пасынок их сестры заготавливает для них богатую провизию, для их лошадей –

достаточно корма. С этим он уезжает, отсутствует некоторое время, а по возвращении застаёт своих гостей в плачевном состоянии, неухоженными и голодными, их же коней – не кормленными и не поенными. Тогда-то он берет музыкальный инструмент шикапшину и, наигрывая на ней, в песне сообщает Андоле, что у него были за гости, с которыми она так жестоко обошлась. Братья, разгневанные на свою сестру, хотят ее убить в наказание за бесчеловечность, но за нее заступается Жаниболат, заявив, что его целью было не наказание женщины. Он просто хотел, чтобы те знали, кто поистине прав, а кто виноват. Будучи умелым воином, обладая силой и возможностями расправиться с любым врагом, герой стойко переносил все козни коварной женщины, не выдавая ничем своего недовольства и не опускаясь до явного противостояния и препирательств с ней.

Развязка такой коллизии могла быть только трагической или, по меньшей мере, драматической. По одной версии, неумная Андола натравила на героя или своих сыновей, или некое наемное войско, в результате чего тот получил тяжелые ранения. Он был доставлен к себе домой и лежал в хачеше – помещении, предназначенном для гостей, но также используемом для собрания соседей и знакомых. Узнав о том, что Жаниболат может вот-вот умереть, мачеха не могла отказать себе в удовольствии увидеть его беспомощное положение. Услышавший о ее намерении герой встал, напрягая последние силы, оделся и встретил ее стоя, при полном вооружении. От неожиданности Андола споткнулась о порог комнаты, упала и испустила дух. Жаниболат тут же распорядился, чтобы ему сшили мягкую обувь с бумажными подошвами, надел их и заставил водить себя по комнате, пока подошвы не истерлись. Только этим жестом – тем, что после нее он износил хотя бы пару обуви, – он показал меру своей нелюбви к жестокой мачехе.

Полный вариант цикласказания и песни был впервые опубликован в записи К.М. Атажукина в русском переводе [ССКГ 1872: 40–48]. Для данного цикла эта публикация первая и одна из наиболее полных. Вместе с преданием даны два варианта песни, которые собиратель считает даже не вариантами, а самостоятельными произведениями, одно из которых сложил сам герой (по преданию – по возвращении домой, застав братьев Темезовых в плачевном состоянии), другое после его кончины, как надо полагать, – или близкими, или же песнетворцами-джегуако. В XX в. сказание и песня записаны и опубликованы несколько раз. В издании адыгских народных песен, составителем которого является один из уникальных знатоков родного фольклора, неутомимый собиратель и публикатор З.П. Кардангушев, помещено обстоятельное сводное изложение сюжета предания, а также указано имя информанта, от которого сам собиратель впервые услышал и песню, и предание [Адыгэ уэрэдыжхэр 1979: 71, 190–192]. Вариант песни с изложением фабулы предания напечатан в музыкальном издании [НПИНА 1990: 14–17]. В антологическом издании адыгского фольклора помещены два текста, уникальные тем, что это звукозаписи преданий. Первый из них был записан в 1972 г. З.П. Кардангушевым; в нем отсутствует начальная часть повествования, потому что, по всей видимости, собиратель включил магнитофон уже в середине рассказа [Жаниболэт-I]. Второй – наша запись во время экспедиции 1984 г. Информант страдал приступом астмы, постоянно задыхался и поэтому не был в состоянии изложить сказание достойным образом, но все же, соблюдая правила гостеприимства, не захотел, как он сам выразился, «отпустить нас с пустыми руками», поэтому его вариант тоже более похож на пересказ, нежели на исполнение [Жаниболэт-II].

Все известные варианты сказания совпадают в основных деталях, расхождения отмечаются в отдельных фрагментах, но не в мотивировках действий. То же самое относится и к поэтической части цикла, которых не так много: тексты, опубликованные в указанных выше научных изданиях настолько близки друг к другу, что, скорее всего, это разные публикации одного варианта. Достоинно внимания, что и в русском переводе из публикации К. Атажукина 1872 г. целые обороты речи по

смыслу довольно близки адыгскому тексту, записанному чуть ли не целое столетие спустя. Так, почти как дословный перевод воспринимаются следующие фрагменты:

Текст З. Кардангушева (публ. 1979 г.):

Ар, Жэниболэт гущэмэ и закьуэт,
Уэ, и закьуэ щхьэкIэрэ закьуащэт...

*Ар, Жаниболат, гуша, одинок был,
О, одинок был совершенно одинокий...*

Ра, Андолэ гуащэри си егьути,
Зэкьуэзэшибгьури тхьэщишэт...

*Ра, Андола-гуаша мне врагом была,
Девять братьев напористыми были...*

Уэр, Тэмаз и кьуищ гущэри си хьэщIэт...
Ор, Темаз три гостя мои...

Яш гущэхэр хьэуазэмкьегьэгьуи,
Езы гущэхэр хьэщIэщ нэщIьжкьым щIогьухьыр.

*Кони их от соломы иссыхают,
Сами они в пустом хачеше сохнут.*

Вариант К. Атажукина (Разбивка на строки наша – А.Г.):

Жанболат одинок, –
чужой между своим семейством...
Княгиня Андола мой враг;
Бог дал мне девять негодных братьев.
Три брата Темезовы мои гости
(да потопится кунацкая в крови!),
в ней они высохли, не евши;
кони же их изнурялись на одной соломе.

Почти дословные совпадения в текстах, записанных в разное время и в разных местностях от разных исполнителей очевидны. В то же время важно и другое: в первой записи есть упоминания о явлениях, которые в позднейшей записи отсутствуют или, что вероятнее, утрачены. В свою очередь, и в кардангушевском варианте есть детали, отсутствующие в тексте К. Атажукина. Примечательна в нем оригинальная тирада, в которой от имени героя с сарказмом осмеиваются незначительные девять братьев:

Они с неба луну срывают; кинту (врагу – А.Г.) путь преграждают. Не ездивши на хуара (конь чистокровной породы – А.Г.), покушаются сделать нападение; не носивши мау (щит – А.Г.), гордятся; не убивши ни одного оленя, – хорошие стрелки, не привозя добычи, – хорошие наездники. Удалые мои братья...»

Вторая песня, как следует ее называть, судя по содержанию, не дошла до нас в живом исполнении, и запись К. Атажукина – ее единственный вариант. Тем не менее, она также содержит упоминания о событиях, которые трудно понять без знания ситуативного контекста, изложенного в предании, хотя в ней значительное место занимают мотивы величания, характерные для мемориальных песен, которые обычно сочиняются по смерти того, кому они посвящены. Это позволяет признать вероятность сообщения о том, что она была сложена после кончины героя. Таким образом, при всех расхождениях в содержании, обе песни посвящены одному лицу и одним и тем же событиям. Кроме того, их объединяет еще одно свойство:

тексты песен настолько своеобразны, что понять их содержание можно только при знании ситуативного контекста, который их породил. Без такого знания информативная составляющая текстов превращается в калейдоскоп фрагментов, не всегда связанных один с другим. И только на фоне информации, последовательно излагаемой в предании, становится доступным для эстетического и даже элементарного логического восприятия смысл упоминаний и одиночества героя, и коварства его мачехи, в руках которой девять бестолковых братьев становятся слепым орудием. Функционально прозаический нарратив призван поведать о стойкости духа истинного наездника, не роняющего своей чести ни при каких нелепых и сложных обстоятельствах, а песня – воспеть носителя высокой духовности.

Мотив злой мачехи – одна из мировых фольклорных универсалий, более известная как конфликт между жестокой мачехой и беззащитной падчерицей (например, в сказочном эпосе это многочисленные варианты сюжетов о Золушке). На почве историко-героического эпоса данный мотив получает совершенно новое наполнение: мачеха так и остается воплощением зла и коварства, но гонимым оказывается не просто пасынок, но еще и славный наездник, известный своими воинскими доблестями. Но и при таком раскладе герой не в состоянии должным образом защитить себя и наказать зло, потому что именно положение воина-наездника не позволяет ему опускаться до борьбы с женщиной, тем более – с избранницей его отца, а значит номинально замещающей для него родную мать. Он вынужден терпеть безропотно все несправедливости, исходящие от нее, что и приравнивается к деяниям настоящего воина, который призван быть готовым на любую жертву ради соблюдения кодекса чести. Поэтому настоящей победой Жаниболата над жестокой Андола-гуашей является не то, что он физически пережил ее, а то, что ценою жизни сохранил твердость духа.

Список источников и литературы

Адыгэ уэрэдыжьхэр 1979 – *Адыгэ уэрэдыжьхэр*. Налшык: Эльбрус, 1979. Н. 224 (Адыгские народные песни. Налчык: Эльбрус, 1979. 224 с.).

Готов 2021 – *Готов А.М.* Поэтика и стиль адыгского историко-героического эпоса. Налчык: ИГИ КБНЦ РАН, 2021. 232 с.

Жаниболэт-I – *Жаниболэт и хъыбар* (Сказание о Жаниболате) // Адыгские историко-героические песни и предания. Том второй. Песни и предания раннего периода. Налчык: ИГИ КБНЦ РАН, 2023. С. 559–561. Исп. Куаракуа Тарканова, 1892 г.р., сел. Верхний Акбаш КБАССР. Зап. в сент. 1972 г. З.П. Кардангушев.

Жаниболэт-II – *Жаниболэт и хъыбар* (Сказание о Жаниболате) // Адыгские историко-героические песни и предания. Том второй. Песни и предания раннего периода. Налчык: ИГИ КБНЦ РАН, 2023. С. 561–564. Исп. Анатолий Желетежев, 1924 г.р., сел. Аргудан КБАССР. Зап. 20.09.1984 г. Зап. А.М. Готов.

Налоев 1986 – *Налоев З.М.* Героические величальные и плачевые песни адыгов // Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. III. Ч. 1. М.: Советский композитор, 1986, с. 34.

НПИНА 1990 – Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. III. Ч. 2. М.: Советский композитор, 1990. 488 с.

Селиванов 1973 – *Селиванов Ф.М.* О специфике исторической песни // Специфика фольклорных жанров. М.: Наука, 1973. С. 52–67.

ССКГ 1872 – Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. VI. Тифлис: 1872. Народные сказания кавказских горцев. Кабардинская старина. С. 40–48.

References

Ady`ge` ue`re`dy`zh`xe`r. Nalshy`k: E`l`brus, 1979. N. 224 (Ady`gskie narodny`e pesni) [A dyghe folk songs]. Nal`chik: E`l`brus, 1979. 224 s.). (In Kabardino-Circassian)

GUTOV A.M. *Poe`tika i stil` ady`gskogo istoriko-geroicheskogo e`posa* [Poetics and style of the Adyghe historical and heroic epic]. Nal`chik: IGI KBNCz RAN, 2021. 232 s. (In Russian)

Zhanibole`t i x`y`bar (Skazanie o Zhanibolate) // *Ady`gskie istoriko-geroicheskie pesni i predaniya*. Tom vtoroj. *Pesni i predaniya rannego perioda* [Adyghe historical and heroic songs and legends]. Nal`chik: IGI KBNCz RAN, 2023. S. 559–561. Isp. Kuarakua Tarkanova, 1892 g.r., sel. Verxnij Akbash KBASSR. Zap. v sent. 1972 g. Z.P. Kardangushev. (In Kabardino-Circassian)

Zhanibole`t i x`y`bar (Skazanie o Zhanibolate) // *Ady`gskie istoriko-geroicheskie pesni i predaniya*. Tom vtoroj. *Pesni i predaniya rannego perioda* [Adyghe historical and heroic songs and legends]. Nal`chik: IGI KBNCz RAN, 2023. S. 561–564. Isp. Anatolij Zheletezhev, 1924 g.r., sel. Argudan KBASSR. Zap. 20.09.1984 g. Zap. A.M. Gutov. (In Kabardino-Circassian)

NALOEV Z.M. *Geroicheskie velichal`ny`e i plachevy`e pesni ady`gov* // *Narodny`e pesni i instrumental`ny`e naigry`shi ady`gov*. T. III. Ch. 1. [Heroic majestic and lamentable songs of the Adygs]. M.: Sovetskij kompozitor, 1986. S. 34. (In Russian and Kabardino-Circassian)

Narodny`e pesni i instrumental`ny`e naigry`shi ady`gov. T. III. Ch. 2. [Folk songs and instrumental tunes of the Adygs]. M.: Sovetskij kompozitor, 1990. 488 s. (In Russian and Kabardino-Circassian)

SELIVANOV F.M. *O specifike istoricheskoy pesni* [About the specifics of a historical song] // *Specifika fol`klorny`x zhanrov*. M.: Nauka, 1973. S. 52–67. (In Russian)

Sbornik svedenij o kavkazskix gorczax [Collection of information about the Caucasian highlanders]. Vy`p. VI. Tiflis: 1872. *Narodny`e skazaniya kavkazskix gorcev*. Kabardinskaya starina. S. 40–48. (In Russian)

Информация об авторе

А.М. Гутов – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора адыгского фольклора.

Information about the author

A.M. Gutov – Doctor of Science (Philology), Professor, Chief Researcher of the Sector of Adyghe Folklore.

Статья поступила в редакцию 23.11.2024; одобрена после рецензирования 22.12.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted 23.11.2024; approved after reviewing 22.12.2024; accepted for publication 25.12.2024.